Холодно, зуб на зуб не попадает. Обшарпанное реанимационное отделение Морозовской больницы, в свете одного фонаря еле различить табличку на одноэтажном зданьице, не то пристройке, не то сарае, крыльцо с заледенелыми ступеньками, все это сложно представить в двадцать первом веке, картина, кажется, не менялась лет сто, однако с этой «выгородки» и начинается моя история. Меня зовут Настасья, сейчас десять часов вечера, я вижу перед собой эту сюрреалистическую картину, потому что это мое испытание, мое самое первое и серьезное испытание в жизни, там, за не понятно какого цвета дверью, в доисторическом здании, черт знает как и в каком состоянии лежит мой маленький комочек, мой сыночек, мой Давидик... Меня разрывают на части ненависть, боль, гнев, обида, беспомощность, моего мальчика довела до реанимации главврач отделения неврологии той же Морозовской больницы, она не верила, что у ребенка эпилептические приступы, унижала и оскорбляла меня, называла наркоманкой, алкоголичкой и так далее, собственно, это же она говорила и другим девочкам в самом жутком отделении Морозовской.

Надеюсь, что ее уже давно нет и события, которые произойдут позже, захватят эту суку в свое колесо возмездия. Объяснюсь: все, что я описывала выше и буду повествовать дальше, все это лишь мои воспоминания давно ушедших лет, произошедшие в Москве в 2004 году.

Итак... Меня разрывают на части ненависть, боль, обида и беспомощность, вот уже девятые сутки сряду я прихожу три раза в день к отделению реанимации, приношу сцеженное молоко, памперсы, медикаменты и т. д., моему сыну нет еще и четырех месяцев. Вот и сегодня в третий раз

на дню поднимаюсь по скользким ступенькам, открываю разноцветную деревянную дверь, в нос бьет странный запах то ли спирта, то ли дезинфектора, узкий предбанничек с двумя или тремя старыми офисными стульями, тускло, тоскливо, вышел к нам врач. Почему к «нам»? Потому что я с моей мамой, если бы ее не было рядом, а дома сестры и бабушки, я бы погибла! Вышел к нам врач-реаниматолог, который вытаскивает Давида с того света, его сын тоже эпилептик и работает в соседнем отделении, это он меня подбадривал так, но сегодня я услышала от чудо-врача, который спасает моего ребенка, не стандартное «одни калечат, другие лечат», а то, что приступы стали снижаться и сегодня было не семьдесят, а пятьдесят! Пятьдесят! Будто это так мало! Когда они закончатся, эти чертовы приступы, когда я смогу увидеть сына, прижать его, когда?! И тут пока врач успокаивает мою маму, со мной начал говорить мой сын, я нормальная я понимаю, что сын со мной говорить не может, он за дверью, в палате, в проводах и под капельницей, но он со мной говорит и я даже вижу его красивого, взрослого, как денди лондонский одет.

— Не волнуйся, мам, все будет хорошо, — говорит мне он, я передаю очередную порцию молока, памперсов, смотря на своего ребенка, улыбаюсь и выхожу, ноги ватные, сознание как во сне, поскользнулась, мама меня подхватила.

— Настенька, возьми себя в руки!

Полночь, мы дома, на кухне бабушка, мама и сестра, я сижу на полу, прислонившись к дверному косяку... Рыдаю, девочки орут на меня, чтобы успокоилась, а я все пуще, у меня истерика, держалась, держалась девять дней и сорвалась, или прорвало, кому как. И опять я с душой сына общаюсь, сидит он подле меня и успокаивает, а мне от этого только хуже! Раз я с душой Давида общаюсь, то значит?.. Ничего не значит! Успокойся, Настасья, утро вечера мудренее, иди спать.

Нарыдавшись, всхлипывая, поплелась в комнату, бухнулась на кровать, мама меня накрыла одеялом, и я закрыла глаза, молюсь Богу, умоляю, молю, читаю «Отче наш», опять молю, опять читаю, лицо мокрое, глаза щиплет, сердце щемит, проваливаюсь в сон...

Стою на горе, внизу варево, а под ногами трава горит яркой зеленью, кидаюсь с горы и лечу. Жарко, бурые цвета вокруг, будто в лаву попала, жутко, жидко, страшно, а потом раз — и узко, темно, серо, будто все краски стерли, первый раз черно-белый сон снится. Я в каком-то коридоре, стоят те же потрепанные черно-серые офисные стулья, что и в предбаннике реанимационного блока, сажусь на один из них и понимаю, что попадаю в адскую очередь, не фигурально выражаясь, а в самую что ни на есть адскую, а в конце стоит серый стол, за столом сидит серо-черная девушка в очках от Шанель и костюмчике черном от Армани. И сидит эта девушка, с туго затянутой гулькой на затылке, недалеко и не близко, вроде вот она, а вроде и километр до нее... И каких тут только нет персонажей, сидящих на таких же, как и я, офисных стульях, наверное, если бы они были все в цвете, то меня бы вывернуло наизнанку или хватил удар, это уже фигурально выражаясь! Не знаю, сколько я сижу в этой очереди, так как она то приближается, то отдаляется — эта стильная, адская секретарша. Да, это канцелярия преисподней, и что я тут делаю, спросите вы у меня. Я сижу вымаливать душу сына, вот так, молилась Боженьке, а попала в чистилище! И так бывает, а у меня уж подавно, так как я верю в эту теорию, что дьявол карающий меч Бога и что «Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо», это про него, родимого, и я сижу, жду своей очереди, чтобы получить разрешение спасти сына! Душно, тяжко, плотно все, будто весь мир уплотнился до размера этой длинной, короткой очереди.

Вдруг неожиданно, через век или мгновение, я оказываюсь нос к носу с адской секретаршей, объясняю ей свое несчастье, прошу отдать сына, а она ни в какую, нельзя, говорит, уже решено. Да что же это такое! Как это решено! Кем решено! Отдайте, черт возьми, мне сына! Отдайте мне его, черти! Иначе я за себя не ручаюсь! Буду драться до последнего! И с Вашим в бой вступлю!

Не знаю, сколько я с этой препиралась, орала, бесновалась, видимо, столько же, сколько ждала, не то век, не то миг, я так орала, что не дала ему покоя, а он за дверью сидел, похожей на дверь в палату реанимации, со старыми, закрашенными стеклами и отвратительным, едким светом, просачивавшимся сквозь трещины в краске. Вдруг дверь отворилась, высунулась рука, а в ней — сложенный листок серой бумаги, девица взяла листок, раскрыла и прочла монотонно, даже не смотря на написанное:

— Сразиться с драконом сегодня за пять минут до зари, точка, — произнесла, сложила бумагу и отдавала мне.

А дальше как во сне, а я в нем и нахожусь, очередь с девицей начала сворачиваться, сворачиваться,

сворачиваться... до бесконечности, а я просто сделала шаг в сторону и оказалась на безлюдной площади, умощенной огромными квадратными плитами из черного, покрытого слюдой камня, будто застывшая нефть. Вы видели когда-нибудь, как выглядит абсолютная пустота? Я — да! И платформа для этой абсолютной пустоты соткана из нефтяного камня в виде площади, и больше ничего, только площадь и пустота. И тут из пустоты начало что-то возникать и соткалось в некую серо-дымчато-водородную субстанцию, потом возникли — о! наконец-таки — что-то цветное, два кровавых глаза, мои глаза так привыкли за время сна к черно-белому, что эти два кровавых, несомненно, произвели впечатление, потом субстанция начала зеленеть, и запахло тиной и какой-то гнусью, ну и наконец передо мной настоящий дракон-динозавр, и огромный, и с крылами и — о черт! — горячо-то как, отлетела на километр от изрыгнувшейся лавы, а в руке потяжелело и засверкало лезвие меча. Началась битва, в которой то я становлюсь громадной и сжимаю глотку змее, то меня придавливает огромная лапа, я задыхаюсь, теряю сознание, а в голове проносятся слова врача, крики мамы, боль, страх и уныние, вот оно, это слово — «уныние»! Оно захватило меня с момента первого приступа сына и не хочет отпускать! Уныние не дает мне дышать! Уныние и есть этот демон-дракон с кровавыми, тоскливыми глазами! Уныние! Так вот ты какое! И я вонзаю меч между глазницами этой твари! И вдруг стало так свободно, иглу вытащили из сердца, вздохнула, как после продолжительной болезни, тепло, как в бабушкиных объятиях! Улыбка глаз моего мальчика, счастливых, разумных глаз! Господи! Спасибо тебе за сына! Он мой, он мне нужен, я помогу ему выздороветь и встать на ноги! Он будет жить!

Просыпаюсь от звонка телефона.

— Анастасия Владимировна?

— Да.

— Приезжайте, мы перевели вашего сына в отдельный бокс сегодня утром, возьмите с собой вещи, вы будете...

— Да, да я знаю, мне нужно находиться с ним рядом, а какое отделение?

— Разве я не сказала? Инфекционное. Звонит медсестра Галя, вы же просились к нам после реанимации, и что вам в неврологии не понравилось, вас что, там кормили плохо? Так у нас не лучше, только пообщаться не с кем, там хоть девчонки в палате... — узнала я ироничные, едкие ноты Галиного голоса, вспомнила ее вредный, но сердечный характер, когда мы лежали с Давидкой первый раз в инфекционном, так как никто не мог понять, что с ним, и мне стало тепло и даже весело, лучики солнца озарили мою новую, долгую и счастливую дорогу.

— Да, Галечка! Спасибо, что позвонила! Будем с мамой через час!

Весна, вместе с радостью выздоровления сына, нахлынула на нас неожиданно, как грибной дождь в полуденный зной. Я влетела в палату, мама за мной с вещами, стала раскладываться по-свойски, а я не могла двинуться с места, слезы катились потоком, я смотрела в глаза моему герою, в них столько мудрости, сочувствия и добра и какой-то бесконечности, не то век, не то миг... И по сей день так! Спасибо, что дали спасти сына, и дай Бог ему осознанной, красивой, русской речи! А что ты хочешь? Да! Вот так! Спасибо Тебе за сына!

г. Москва